

[TRADUÇÃO]

EU E NAPOLEÃO¹

Virgínio Gouveia²

Universidade Federal de São Paulo

Я И НАПОЛЕОН³

Por

Vladimir Maiakóvski

[Tradução Virgínio Gouveia]

Eu moro na rua Grande Presnia⁴,
número 36/24.

O lugar é tranquilo,
bem calmo

E então?

À primeira vista, o que tenho que fazer disso
se em algum lugar
na tempestade do mundo
nós imaginamos de repente uma guerra?

A noite chegou.

Boa.

Cautelosa.

E por que algumas senhoritas

¹ Tradução inédita para o português diretamente do russo, cotejada com a tradução francesa pelo professor *Musiliyu Oyedeji (Doutor em Linguística /UFAL)*. É apresentada ao público brasileiro em versão trilingue, isto é, acompanhada pelo original em russo e francês.

² Doutorando em Filosofia pela Universidade Federal de São Paulo.

E-mail: virginiomgouveia@gmail.com.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7142-5992>.

CV Lattes: <http://lattes.cnpq.br/3578968222394826>.

³ O poema foi retirado do endereço: Текст предоставлен правообладателем Владимир Маяковский – Москва: Издательство «Э», 2018. – 978-5-04-092690-9, 978-5-04-092672-5: «Э»; Москва; 2018 ISBN 978-5-04-092690-9, 978-5-04-092672-5.

⁴ Quarto popular ao norte de Moscou, centro das barricadas de 1905.

tremem com medo desviando os olhos
enormes como holofotes?
Multidões nas ruas colaram seus lábios ardentes
à umidade celestial
e a cidade, agitando os pequenos braços das suas bandeiras,
não para de rezar com cruces vermelhas.
Na pequena igreja, cabelos embaraçados,
jogam-se à beira do leito da avenida,
grande saco cheio de lágrimas,
e os canteiros da avenida sangram
como um coração rasgado pelos dedos das balas.
A angústia cresce incessantemente
e come a mente envelhecida.
E perto de Noé as laranjeiras
estão cobertas por um gás pálido e mortal.

Diga a Moscou
Que resista!
Não precisa
tremem!
Após um segundo
eu vou enfrentar
o autocrata do céu:
e vou matar o sol!

Vejam!
ele enxagua suas bandeiras no céu.
Aqui está ele!
Gordo e ruivo.
Reprendendo seu casco vermelho contra as praças,
passando por cima dos cadáveres nos telhados.

Para você
que se põe aos gritos:

Eu vou destruir!
Eu vou destruir tudo!
Para vocês que cortam a noite entre beirais ensanguentados,
Eu lanço um desafio,
Eu
quem manteve uma alma destemida!

Sigam em frente, vocês que são corroidos pela insônia,
façam uma fogueira de suas faces!!
De qualquer maneira!
é nosso o último sol,
o sol de Austerlitz!

Sigam em frente, loucos da Rússia e da Polônia!
Hoje eu sou Napoleão!
Eu sou o chefe do exército e muito mais.
Comparem:
Eu e – Ele!

Uma vez que ele aproximou seu trono da peste,
zombando da morte com sua ousadia,
eu, todo dia vou
à milhares de russos vítimas da peste!
Ele uma vez ficou em pé sem piscar
sob as balas
e nós o glorificamos desde cem séculos,
ao passo que eu sozinho durante um único mês de julho
passei por mil pontes de Arcole!
Meu grito é esculpido no granito do tempo
e não vai parar de repreender e proclamar
que num coração queimado como o Egito
existem milhões de pirâmides!

Atrás de mim, você que é a insônia torturante!

Mais alto!
Para a fogueira suas faces!
Saudações,
sol que precede minha morte,
sol de Austerlitz!

Ei vocês pessoas!
basta!
Além do sol!
Sempre em frente!
Que o sol se apresente com um bom golpe!
Marcha fúnebre,
que a tua rouquidão
saia mais forte da garganta apertada da igreja!
Vocês pessoas!
Quando vocês vão canonizar os nomes,
das vítimas
mais comuns que eu,

lembrem-se:
a guerra já matou mais um,
um poeta da Grande Presnia.

1915

Я И НАПОЛЕОН

Я живу на Большой Пресне,

36, 24.

Место спокойненькое.

Тихонькое.

Ну?

Кажется – какое мне дело,

что где-то

в буре-мире

взяли и выдумали войну?

Ночь пришла.

Хорошая.

Вкрадчивая.

И чего это барышни некоторые

дрожат, пугливо поворачивая

глаза громадные, как прожекторы?

Уличные толпы к небесной влаге

припали горящими устами,

а город, вытрепав ручонки-флаги,

молится и молится красными крестами.

Простоволосая церковка бульварному

изголовью

припала, – набитый слезами куль, —

а у бульвара цветники истекают кровью,

как сердце, изодранное пальцами пуль.

Тревога жиреет и жиреет,

жрет зачерствевший разум.

Уже у Ноева оранжереи

покрылись смертельно-бледным газом!

Скажите Москве —
пускай удержится!
Не надо!
Пусть не трясется!
Через секунду
встречу я
неб самодержца, —
возьму и убью солнце!
Видите!
Флаги по небу полощут.
Вот он!
Жирен и рыж.
Красным копытом грохнув о площадь,
въезжает по трупам крыш!

Тебе,
орущему:
«Разрушу,
разрушу!»,
вырезавшему ночь из окровавленных карнизов,
я,
сохранивший бесстрашную душу,
бросаю вызов!

Идите, изъеденные бессонницей,
сложите в костер лица!
Все равно!
Это нам последнее солнце —
солнце Аустерлица!

Идите, сумасшедшие, из России, Польши.
Сегодня я – Наполеон!
Я полководец и больше.
Сравните:

я и – он!
Он раз чуме приблизился треном,
смелостью смерть поправ, —
я каждый день иду к зачумленным
по тысячам русских Яфф!
Он раз, не дрогнув, стал под пули
и славится столетий сто, —
а я прошел в одном лишь июле
тысячу Аркольских мостов!
Мой крик в граните времени выбит,
и будет греметь и гремит,
оттого, что
в сердце, выжженном, как Египет,
есть тысяча тысяч пирамид!
За мной, изъеденные бессонницей!

Выше!
В костер лица!
Здравствуй,
мое предсмертное солнце,
солнце Аустерлица!

Люди!
Будет!
На солнце!
Прямо!
Солнце съежится аж!
Громче из сжатого горла храма
хрипи, похоронный марш!
Люди!
Когда канонизируете имена
погибших,
меня известней, —
помните:
еще одного убила война —

поэта с Большой Пресни!

1915

MOI ET NAPOLEON

J'habite rue Grande Presnia,

au 36/24.

Un endroit bien tranquille,

bien calme

Et alors?

A première vue qu'ai-je à en faire

si quelque part

dans la tempête du monde

on a tout d'un coup imaginé une guerre?

La nuit est arrivée.

Bonne.

Furtive.

Pourquoi donc quelques demoiselles

frissonnent en roulant craintivement des yeux

immenses comme des projecteurs ?

Le foules des rues ont collé leurs lèvres brûlantes

à l'humidité céleste

et la ville, agitant les petits bras de ses drapeaux,

ne cesse de prier avec des croix rouges.

La petite église, cheveux épars, s'est jetée au chevet du

boulevard,

gros sac bourré de larmes,

et les plates-bandes du boulevard saignent

comme un coeur déchiré par les doigts des balles.

L'angoisse engraisse sans répit

et bouffe la raison rassie.

Et chez Noé les orangeries

sont couvertes d'un gaz blême et mortel.

Dites à Moscou

qu'elle tienne!
Il ne faut pas
trember!
Dans un instant
Je vais affronter
l'autocrate des cieux:
je vais tuer le soleil!
Voyez!
Il rince ses drapeaux dans le ciel.
Le violà.
Gras et roux.
Faisant gronder contre les places son sabot rouge
Il passé sur les cadavres des toits.

A toit
qui hurles:
"je détruirai,
je détruirai tout!"
à toi qui découpes la nuit entre les corniches ensanglantées,
je lance un défi,
moi
qui ai gardé une âme impavide!

Venez, vous que ronge l'insomnie,
faites un bûcher de vos visages!
De toutes façons
C'est pour nous le dernier soleil,
le soleil d'Austerlitz!

Venez, vous les fous, de Russie, de Pologne.
Aujourd'hui Napoléon c'est moi!
Je suis chef d'armée et bien plus.
Comparez:
Moi et lui!

Une fois il a approché son trône de la peste,
bafouant la mort de son audace,
moi c'est chaque jour que je vais
à des milliers de Jaffas russes pestiférés!
Lui une seule fois s'est tenu debout sans ciller sous les balles
et on le glorifie depuis cent siècles,
tandis que moi au cours d'un seul juillet
j'ai passé un millier de ponts d'Arcole!
Mon cri est taillé dans le granit du temps
et ne cessera de gronder et de proclamer
que dans un coeur brûlé comme l'Égypte
il y a mille milliers de pyramides!

Derrière moi, vous que ronge l'insomnie!

Plus haut!

Au bûcher vos visages!

Salut,

Soleil d'avant ma mort,

Soleil d'Austerlitz!

Eh vous les gens!

Asses!

Sus au soleil!

Tout droit!

Que le soleil se hérise un bon coup!

Marche funèbre, que ton enrouement

Sorte plus fort de la gorge serrée de l'église!

Vous les gens!

Quand vous canoniserez les noms

des victimes

plus connues que moi,

souvenez-vous

la guerre en a tué encore un ,

un poète de la Grande Presnia.

1915